

Шэнь Юньцин, которого он не видел некоторое время, выглядел изможденным. Выслеживая передвижения Сяо Ци после его побега, он уже давно нормально не спал; слабые голубые венки под его пронизательными глазами выдавали усталость. Солдаты и лейтенанты позади него выглядели не лучше; после нескольких столкновений с личными войсками Сяо Ци прошлой ночью, от них все еще исходил стойкий запах мороза и железа.

Стоя среди них в своей мягкой белой куртке из меха норки, Шэнь Юйхэн чувствовал себя несколько не в своей тарелке. Не успели они перебраться и парой слов, как лицо Юньцина внезапно потемнело, и его холодный взгляд скользнул по комнате.

— Юэ Фэн, — его голос был тихим, пронизанным подавляемым гневом. — Возвращайся в казармы и принеси мой Меч Зеленого Железа с Облачным Узором.

Юэ Фэн приподнял бровь:

— Меч с Облачным Узором? Его нет в казармах. Вы подарили его подчиненному некоторое время назад. Генерал Шэнь забыл?

— Хорошо, — лицо Юньцина потемнело еще больше. — Тогда принеси мою тушечницу Чэнни.

— Тушечницу Чэнни? — усмешка Юэ Фэна стала шире; он раскусил намеренную попытку Юньцина избавиться от него. Сколько раз в году мы, воины, пользуемся тушечницей? Стоило ли ради этого совершать отдельную поездку?

Юэ Линь, почувствовав скверное настроение Юньцина, свирепо посмотрел на брата:

— Если тебе велели идти — иди. Хватит болтать ерунду.

— Ладно, ладно, иду, — проворчал Юэ Фэн. Он не знал, почему Юньцин внезапно вспылал, но воинская дисциплина была абсолютной.

Как только Юэ Фэн отошел на достаточное расстояние, Юньцин тяжело вздохнул. Он повернулся к Шэнь Юйхэну:

— У Сяо Ци значительные силы. Если начнется открытая война, район вокруг храма Ванъюнь перестанет быть безопасным. Его Величество не говорил, когда вы вернетесь во дворец?

Шэнь Юйхэн кивнул. Этим утром евнух Фан сообщил, что состояние Сяо Хуая наконец улучшилось. Как только завтра утром завершатся жертвоприношения, они отправятся в столицу.

Юньцин все еще не мог успокоиться. Возвращение во дворец было лишь перемещением из одного опасного места в другое. Всего за несколько месяцев дворец превратился в водоворот предательства: принцы гибли, супруги сходили с ума. Не было никаких стихийных бедствий, только рукотворные трагедии. Сяо Ци когда-то был главным кандидатом в наследные принцы; теперь он был преступником, скрывающимся в глуши и готовым поднять восстание.

Когда гнездо перевернуто, ни одно яйцо не останется целым.

— Хорошенько обдумай то, что я тебе говорил, — напомнил ему Юньцин. — Я не пробуду в столице долго, Сяо Юй. Если хочешь уйти, медлить нельзя.

Шэнь Юйхэн кивнул, но в его сердце не было уверенности. Пока он жив, Сяо Цзинь его не

отпустит. Имело ли вообще значение, хочет он уйти или нет?

Когда Шэнь Юйхэн вернулся в храм, пение монахов прекратилось. В глубине двора раздавался лишь звон колокола, неземной и далекий. Из двора выбежали несколько юных принцев и принцесс, и, увидев его, с радостью облепили со всех сторон.

— Мужская Госпожа, иди сюда! — Шестнадцатая Принцесса схватила его за руку, подпрыгивая в попытке утащить в сад.

Шэнь Юйхэн поймал ее размахивающую руку и опустился на колени:

— В чем дело?

Принцесса невинно подняла глаза:

— Мужская Госпожа, Императорский Отец вышел, но я боюсь с ним играть.

Шэнь Юйхэн замер. Взглянув туда, куда она указывала, он увидел Сяо Хуая под деревом Бодхи. На нем было лунно-белое даосское одеяние, ткань которого трепетала на солнце, казавшись полупрозрачной, отчего он выглядел так, словно сливался с самим светом.

— Он выглядит таким одиноким, — прошептала принцесса. — Ты поиграешь с ним?

Поиграть с ним? Улыбка Шэнь Юйхэна застыла. Принцесса была слишком мала, чтобы понимать, что взрослые не всеильны... Я тоже боюсь с ним «играть»! Разве я могу такое сказать?!

Побег — это постыдно, но полезно; Шэнь Юйхэн действительно хотел развернуться, уйти в свою комнату и притвориться, что ничего не видел.

— Мужская Госпожа? — он посмотрел вниз, в выжидающие глаза принцессы.

Он попытался убедить себя: Сяо Хуай только что оправился от тяжелой болезни; было бы правильно засвидетельствовать свое почтение. Подавив страх, он приблизился, пока не смог ясно разглядеть лицо Императора. И снова замер.

Кожа Сяо Хуая была бескровной, холодно-белой. Стоя на солнце, он выглядел так, словно мог раствориться в сиянии. Давящая аура, которую он обычно излучал, изменилась; теперь он походил на каменного Будду, неподвижно стоящего под древним деревом и несущего на себе хрупкую, благочестивую веру смертных.

Дрожь в сердце Шэнь Юйхэна неожиданно утихла. Сяо Хуай поднял глаза, увидел его и медленно изогнул губы в улыбке.

— Юйхэн, подойди.

Сяо Хуай впервые назвал его по имени. Он поднял тонкую, иссохшую руку, подзывая его пальцем. Сине-фиолетовые вены на его костяшках были отчетливо видны. В его голосе слышался след усталости.

Шэнь Юйхэн стоял неподвижно, опустив взгляд. После минутного колебания он шагнул вперед. Сяо Хуай медленно поднял руку, чтобы приподнять подбородок Шэнь Юйхэна; холодный палец ощущался как мертвый предмет. Он дюйм за дюймом изучал лицо Шэнь Юйхэна, и на его чертах появилось пугающее чувство удовлетворения.

— Больше всего я люблю, — прошептал он воздушным, снисходительным тоном, — смотреть на ваши молодые, красивые лица.

Губа Шэнь Юйхэна дрогнула, но он ничего не ответил. Он увидел в Сяо Хуае отпечаток смертного пепла.

Храм Ванъюнь, следующее утро

Отложенные государственные жертвоприношения и благословения наконец начались. Шэнь Юйхэн встал рано, чтобы последовать за Сяо Хуаем в главный зал под предводительством верховных монахов храма. Шэнь Юньцзин, который должен был сопровождать их обратно во дворец, также был приглашен.

Пока они кланялись богам в дымке благовоний и свете лotosовых ламп, их одежды — драконий шелк, железная броня и мягкий мех норки — пропитались запахом пепла. Взглянув на Бодхисаттву на лотосе, Сяо Хуай взмахнул рукой. Евнух Фан шагнул вперед с изысканной шкатулкой и преподнес ее Шэнь Юйхэну.

Шэнь Юйхэн поблагодарил его и открыл шкатулку. Внутри лежала золотая заколка для волос в форме лотоса. Лепестки были округлыми и как живыми, а в центре была закреплена жемчужина, мерцающая мягким светом, отчего казалось, будто можно почти почувствовать аромат цветка.

— Мой подарок тебе, — сказал Сяо Хуай. — Носи ее.

Шэнь Юйхэну пришлось принять дар. Но когда он попытался вколоть заколку в волосы, его движения были неуклюжими; он не мог закрепить ее. Хотя у него и были воспоминания первоначального владельца тела, мелкая моторика, требующая мышечной памяти, все еще давалась с трудом.

Сяо Хуай тихо усмехнулся:

— Избалованные дети всегда испытывают трудности с подобными вещами.

С этими словами Сяо Хуай забрал заколку из его рук. Он жестом велел Шэнь Юйхэну опуститься перед ним на колени и лично убрал волосы с его висков. Холодный кончик заколки коснулся кожи головы; Шэнь Юйхэн вздрогнул, инстинктивно желая отстраниться, но, когда позади стоял Император, бежать было некуда.

Стоящий неподалеку Юньцзин наблюдал за этой интимной сценой и неловко отвел взгляд. Шэнь Юйхэн паниковал еще больше. Он всегда боялся Сяо Хуая, однако в этот момент каждое движение самого страшного из знакомых ему людей было неожиданно нежным. Он затаил дыхание и медленно расслабился, отдавшись этому жесту. Напряжение исчезло, и его сложные эмоции по отношению к Императору сгустились в крошечную каплю неуловимого тепла. Она была мала, но для нынешнего Шэнь Юйхэна служила утешением.

Он закрыл глаза. Однако совсем рядом раздался женский голос:

— ...Его Величество поистине добр к Супругу Шэню.

Шэнь Юйхэн замер. Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это была Супруга И. Он впервые за последние дни услышал, как она говорит. Она была матерью Сяо Ци. Теперь, когда Сяо Ци стал мятежником, Сяо Хуай привез ее в храм, словно в насмешку над ней.

— Раз уж Ваше Величество так любит молодые и красивые лица, почему бы вам не подумать о собственном сыне, который тоже еще молод?

Все замерли, глядя на залитую слезами Супругу И. После нескольких дней молчания она вдруг рухнула на колени рядом с Сяо Хуаем, вцепившись в его одежды и умоляя пощадить Сяо Ци:

— Ци-эр ведь ваш сын! Как вы можете быть таким бессердечным?!

В золотом зале ее крики становились все более пронзительными.

[Цк-цк, теперь-то она знает, как плакать,] — пробормотала Система, испытывая смесь жалости и разочарования. [Сяо Ци, конечно, его сын, но то, что он сделал, нормальные люди не совершают!]

Сочувствие Шэнь Юйхэна остыло. В книге Супруга И стояла за спиной Сяо Ци, используя влияние своей семьи, чтобы покрывать его злодеяния против других принцев и матери Сяо Цзиня. Пока нож не вонзился в ее собственное сердце, она не чувствовала боли.

Сяо Хуай проигнорировал ее, продолжая свое занятие. Он держал черные волосы Шэнь Юйхэна так, словно держал нить собственной жизни. Вопли Супруги И ослабли, но как только они подумали, что она сдалась, она внезапно вытащила из рукава клинок и бросилась на Шэнь Юйхэна.

Вспышка холодной стали.

[Хозяин, берегитесь! У нее нож!]

Шэнь Юйхэн в панике попятился назад. Юньцзин осознал опасность и бросился наперерез, чтобы заслонить брата, но с его пояса раздался резкий металлический лязг...

Сяо Хуай выхватил меч Юньцзина.

В следующую секунду на лицо Шэнь Юйхэна брызнула капля обжигающей жидкости. Нож со звоном выпал из руки Супруги И. Ее лицо застыло в маске мучительного шока, когда длинный меч пронзил ее сердце. Кровь брызнула, словно алый цветок, заливая белую норковую шаль Шэнь Юйхэна. Влажное тепло просочилось сквозь ткань на его дрожащую кожу.

Сяо Хуай вытащил меч с совершенно спокойным лицом, словно все так и должно было быть. Он наблюдал за тем, как черты лица Супруги И исказились в последних конвульсиях, пока жизнь не покинула ее тело. Она обмякла на коленях Шэнь Юйхэна, а ее окровавленная щека все еще сохраняла тепло живого человека.

Залитый кровью, Сяо Хуай небрежно отбросил меч. Он вытер руки о свое золотое одеяние с драконами, снова взял заколку с лотосом и закончил укладывать волосы Шэнь Юйхэна.

Дыхание Шэнь Юйхэна стало прерывистым. Он сжался в тени Сяо Хуая, сильно дрожа, не в силах вымолвить ни слова. Лицо Супруги И постепенно холодело, пока она сползала с его колен с открытыми глазами. Он не помнил, когда Император наконец ушел; он чувствовал лишь удушающий холод, повисший в воздухе. Позже Юньцзин раз за разом звал его по имени, но мозг Шэнь Юйхэна словно залили цементом.

В ту ночь они вернулись во дворец. Он провел ночь в сильной горячке.

Снаружи опочивальни появилась Цзяобай с тазом со льдом:

— Как Супруг?

— Все так же, — вздохнула Юньдоу. — Лекарь Сюй говорит, что эта лихорадка вызвана шоком; он поправится не скоро...

Жар лихорадки мучил каждый дюйм его тела. В бреду Шэнь Юйхэн слышал много голосов и видел много теней, но не мог открыть глаза. Ему казалось, что он погружается в красное болото.

Внезапно его лица коснулась легкая прохлада. Он инстинктивно потянулся за этим ощущением, прижимаясь к нему щекой, как утопающий цепляется за кусок дерева.

В комнате Сяо Цзинь, чью руку он держал, поджал губы, нахмурил брови. Обжигающий жар кожи Шэнь Юйхэна вызывал у него нутряное отвращение. Он хотел видеть, как Шэнь Юйхэн страдает, но ужас и тревога, исходящие от мужчины, теперь были полностью окрашены в цвета Сяо Хуая. Семена страха, которые он посеял в Шэнь Юйхэне, теперь перекрывались следами Императора.

Он гневно выдернул руку. Шэнь Юйхэн немедленно потерял источник прохлады и снова потянулся, чтобы схватить его.

— ...Не уходи.

Шаги Сяо Цзиня стихли. Он посмотрел на лицо Шэнь Юйхэна, покрасневшее от лихорадки и покрытое старыми следами от слез. Мужчина жадно хватал ртом воздух, цепляясь за рукав Сяо Цзиня, словно за последнюю надежду.

Кадык Сяо Цзиня дернулся. Он заколебался, а затем внезапно отбросил руку мужчины и отступил. Рука Шэнь Юйхэна жалко упала на кровать. Он смутно различал, что этот силуэт принадлежал Сяо Цзиню; он хотел попросить о помощи, но увидел лишь удаляющуюся бессердечную спину.

Конечно.

Шэнь Юйхэн закрыл глаза, но внезапно его руку снова поймали. Рука другого человека была аномально холодной, словно лишенной природного тепла.

— ...Мать-Супруга, — голос юноши был соблазнительным, тихим шепотом.

Шэнь Юйхэн почувствовал странную близость. Его сердце на мгновение дрогнуло. Он сжал руку в ответ и слабо спросил:

— Тот... кто приходит каждую ночь... это ты...?

— Нет, — взгляд Сяо Цзиня дрогнул, но его голос остался ровным. — Однако я видел, как по ночам сюда приходил Императорский Отец...